

4. Wilson P. The International Theory of Leonard Woolf: A Study in Twentieth-Century Idealism / Peter Wilson. – London : Palgrave Macmillan, 2005. – 284 p.
5. Woolf L. S. International Government. Two Reports Prepared For the Fabian Research Department [Електронний ресурс] / L. S. Woolf ; [Introd. by B. Shaw]. – New York : BRENTANO'S, 1916. – 412 p. – Режим доступу : <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015014745304;view=1up;seq=7>
6. Woolf L. The Village in the Jungle [Електронний ресурс] / Leonard Woolf. – B.R. Publishing Corporation, 1975. – Режим доступу : http://www.truthmemoryfiction.com/wp-content/uploads/2013/01/The_Village_In_The_Jungle.pdf

КОНЦЕПТ “АНГЛИЙСКОЕ” В ПРОЗЕ СИЛЬВИИ ПЛАТ

Екатерина БАРИНОВА

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”

Ім'я Сильвії Плат, американської письменниці і поетеси, часто асоціюється саме з Англією. У цій країні минула важлива частина життя письменниці. Образ Англії у творчості Плат завжди амбівалентний. З одного боку, в асоціативне поле концепту “англійське” входять англійська література, Шекспір, англійська поезія. З другого боку, ця країна завжди вражала письменниці своїми консерватизмом, снобізмом, манірністю і холодом. Усі ці відтінки “англійського” відображені в прозі Плат.

Ключові слова: концепт, амбівалентність, “своє”, “чуже”, рецепція.

Имя Сильвии Плат, американской писательницы и поэтессы, часто ассоциируется именно с Англией. Важная часть жизни писательницы проходит в этой стране. Образ Англии в творчестве Плат всегда носит амбивалентный характер. С одной стороны, в ассоциативное поле концепта “английское” входит английская литература, Шекспир, английская поэзия. С другой стороны, это страна, всегда поражающая писательницу своим консерватизмом, снобизмом, чопорностью и холодом. Все эти оттенки “английского” находят отражение в прозе Плат.

Ключевые слова: концепт, амбивалентность, “свое”, “чужое”, рецепция.

The name of Sylvia Plath, an America writer and poet, is often associated with England. A significant part of her life was connected with this country. The image of

England in Plath's works is always ambivalent. On the one hand, the concept “Englishness” includes such associations as English literature, Shakespeare, English poetry. On the other hand, the country always bewildered Plath by its conservatism, snobbery, stiffness and cold. All those shades of “Englishness” are traced in Sylvia Plath's fiction.

Key words: concept, ambivalence, “self”, “other”, reception.

Отличительная черта творческого сознания Сильвии Плат – восприимчивость к другим искусствам и культурам других стран, среди которых важное место занимают Германия, Россия и, возможно, в первую очередь Англия. За выпускную работу в Смит колледже “Волшебное зеркало: двойники в романах Достоевского” Плат получает грант по программе Фулбрайта на обучение в Кембридже, Великобритания. Интерес к русской литературе дает поэтессе уникальный шанс познакомиться с культурой английской, составить о ней представление “изнутри”.

В истории человечества нередки примеры, когда собственная картина мира, “свое” дополняется положительными чертами “чужого” без опасности потерять собственный колорит, национальную идентичность. Или, напротив, “чужое” это отторгается, так никогда и не став “своим”. Взаимоотношения Сильвии Плат и Англии с самого начала носили двойственный, противоречивый характер. Признавая авторитет многих английских авторов, восхищаясь Шекспиром и Йетсом, она при этом не могла принять некоторых национальных особенностей англичан, которые ей, американке, остались чуждыми даже после брака с англичанином и нескольких лет, проведенных в этой стране.

Методологическую базу данной статьи составляют два раздела сравнительного литературоведения – имагология и сравнительная концептология, которые вместе с методикой пристального чтения позволяют проследить, что же такое “английское” в творчестве Плат, обрисовать границы этого концепта, максимально полно обозначить его ассоциативные поля.

Как подчеркивает Н.П. Михальская, имагология изучает “восприятия и воплощения в литературных произведениях представлений об иной стране, ее народе, особенностях национального характера” [1, с. 147]. Имагология носит интердисциплинарный характер, оставаясь, при этом, в рамках литературоведения. Национальные образы, “имиджи” порождаются, прежде всего, литературой. Имагология концентрирует внимание на наиболее устойчивых концептах-стереотипах той или иной

культуры. По мнению немецкого исследователя Томаса Бляйхера, задачей имагологии является не только изучение литературных образов, имиджей, стереотипов, но и установление их отношений с объективной реальностью (*ihre Beziehung zur Wirklichkeit*) [5, S. 18].

Другой термин, который необходимо определить перед началом непосредственно анализа, концепт. Вслед за Ю.С. Степановым концепт понимается как “сгусток культуры в сознании человека, пучок понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово” [3, с. 40]. Концепт, в отличие от “понятия”, не только мыслится, но и переживается.

Жизнь в Англии, знакомство с англичанами, их обычаями и традициями находит отражение как в письмах и дневниках, так и в художественных произведениях Плат, как поэтических, так и прозаических. Начиная с произведений 1956 года можно говорить о концепте “английское” в ее творчестве. Англия, английская культура и литература и раньше интересовали поэтессу, но с этого момента “английское” становится неотделимым как от биографии, так и от творчества Плат.

Исследователи часто говорят о биографическом характере творчества Сильвии Плат. На формирование концепта “английское” в ее сознании жизненный опыт и переживания также оказали немалое влияние. Приехав в Кембридж, Плат старается полностью погрузиться в литературу и культуру, которые она начала изучать еще в Америке. В феврале 1956 года на вечеринке в честь выхода в свет литературного альманаха “*St. Botolph's Review*” Плат познакомилась с поэтом Тедом Хьюзом, стихи которого она прочла незадолго до этой встречи. Через 4 месяца, 16 июня 1956 года, молодые люди поженились. Свадьба состоялась в Лондоне. С этого времени прослеживается растущее влияние английской литературной традиции, отразившееся в таких стихотворениях, как “Грозовой перевал” и “Долина Хардкастл”. Изначально в ассоциативное поле концепта “английское” у Плат входит английская литература, к образам которой писательница часто обращается в стихах и прозе.

Литературное влияние в немалой степени обусловлено и влиянием самого Хьюза. Тед Хьюз пишет, что именно в 1956 году, в год знакомства с ним, начинается зрелый период творчества Плат, “потому что позднее в этом году появились первые стихотворения ее первого сборника, “Колосс”. И с этого времени я работал рядом и наблюдал, как стихи выходят из-под ее пера” (перевод наш – Е.Б.) [7, р. 16]. Многие исследователи считают подобное заявление слишком самонадеянным,

не соглашаются с отнесением всех стихов Плат, написанных до 1956 года, к незрелым и ученическим (Хьюз объединил их под названием “*Juvenilia*” и поместил в конец книги).

Английская литература, как классическая, так и современная Плат, безусловно, проникают в ассоциативное поле концепта “английское”, однако, не являются доминирующими. Очень часто Плат интересует именно бытовая сторона жизни, обычаи, нравы, менталитет. При относительной общности языка, здесь перед ней открылись вещи, порой диаметрально противоположные ее американскому воспитанию и сложившемуся на родине мировоззрению.

После свадьбы Плат и Хьюз живут в Англии, время от времени навещают родственников Хьюза в Йоркшире. Теперь Сильвия Плат ежедневно сталкивается с различными проявлениями английского, в том числе, в языке. Английский язык, а особенно язык поэзии, отличается от американского варианта как лексикой, так и ритмом. Эти формальные, внешние признаки проявляются в стихах Плат кембриджского периода – становится длиннее строка, появляются английские варианты слов. Как объясняет исследовательница творчества Плат Трейси Брейн, Плат была поражена некоторыми особенностями английского языка. Так, в трех первых стихотворениях, написанных в 1956 году и вошедших в сборник “*The Collected Poems*”, Плат использует слово “*took*”, которое является английским эквивалентом американского “*raven*”. Брейн так комментирует это пристрастие поэтессы к англицизмам: “Создается впечатление, что Плат наслаждается, играя тем, что она считает своим новым английским лексиконом, – новой игрушкой” (перевод мой – Е.Б.) [6, р. 54]. Однако если мы внимательно прочтем дневники и стихи этого периода, станет ясно, что перед нами не просто игра, а серьезная и осмысленная рецепция новой культуры, осуществлявшаяся, в немалой степени, через язык.

Очевидно, с самого начала “английское” представляется Сильвии Плат как некое “чужое”, и она прикладывает немалые усилия, чтобы это “чужое” сделать своим, что, вероятно, так до конца и не произошло. С самого начала у писательницы складываются сложные и противоречивые отношения со страной, которая на несколько лет станет ее домом. Плат приезжает в Кембридж преисполненная восторга и надежд, однако, как пишет Трейси Брейн, это настроение продлилось “чуть больше дня”. Очень скоро английская нация начинает ассоциироваться со строгостью, мрачностью, бедностью, зажатостью как материальной, так и эмоциональной [6, р. 55].

В 1959 году, когда Сильвия Плат узнает, что беременна, семья окончательно переезжает жить в Англию. Сначала они живут в Лондоне, однако в 1961 году становится ясно, что столичная жизнь им не по карману. Плат и Хьюз приобретают большой старый дом в деревушке North Tawton, графство Девон. Сельская жизнь оказывает на Плат особенно угнетающее влияние. Записи этого периода отражают ее чувства. У Сильвии уже двое детей. Сын Николас родился в начале 1962 года. Писательнице нелегко совмещать заботу о доме и детях с творческой деятельностью.

В этот период она особенно остро ощущает “чужое” начало в английской культуре. “Английское” не стало родным; она, как и прежде, американка, окруженная чужой природой и людьми. Матери она продолжает писать оптимистичные, светлые, порой даже веселые письма, однако в ее личных записях все очевиднее тоска и отчаяние, “отчаяние от того, что ее постоянно прерывают, от странных манер местных жителей” [10, p. 11]. Непонятное, странное и порой враждебное поведение местных жителей, необходимость подстраиваться под законы сельской жизни, – все английское окружение Плат становится еще более враждебным, когда возникают подозрения о неверности мужа, отношения с ним коренным образом меняются. Стихотворения этого периода, среди которых “Elm”, “The Rabbit Catcher”, “Event”, “Crossing the Water”, проникнуты отчаянием. Ведущей темой становится непостоянство любви. Крах семейной жизни не мог не повлиять на ее отношение в Англии. В концепт “английское” навсегда проникают такие составляющие, как враждебность, непостоянство, измена.

Известность Сильвии Плат принесли, прежде всего, ее стихи, при этом ее прозаическое наследие, за исключением, возможно, романа “Под стеклянным колпаком”, часто недооценивается и воспринимается как вторичное к ее поэзии. Однако амбиции Плат как автора прозы были чрезвычайно велики. Эссе “A Comparison” (“Сравнение”), в котором Плат сравнивает творчество поэта и прозаика, открывается восклицанием: “Как я завидую романисту!” [8, p. 56]. Прозу Сильвия Плат создавала на протяжении всей жизни. Всего из-под ее пера вышло около семидесяти рассказов, большая часть которых по сей день остается неопубликованной. Так же писательница вела дневник, некоторые записи из которого могут считаться самостоятельными литературными произведениями. Из нескольких начатых романов Плат удалось завершить и опубликовать только один – уже упоминавшийся выше *The Bell Jar* – “Под стеклянным колпаком”, произведение во многом автобиографическое.

Сборник прозаических произведений “*Johnny Panic and the Bible of Dreams*” вышел в свет в 1977 году в редакции Теда Хьюза. Помимо рассказов в него вошли некоторые статьи, написанные для периодических изданий, а также дневниковые записи. В третью часть книги вошли заметки, датированные февралем 1956 года и написанные в Кембридже. Именно к ним представляется логичным обратиться в первую очередь, так как они отражают первый опыт непосредственного, личного знакомства Плат с Англией. Возможно, Кембридж не может считаться типичным английским городом из-за своего интернационального колорита, обусловленного наличием в городке одного из самых известных и престижных в Англии университетов. Тем не менее, уже здесь у поэтессы сложились определенные представления о стране, которой на несколько лет предстояло стать ее домом.

Итак, перед нами февраль, за несколько лет до того, другого английского февраля, когда оборвалась жизнь Плат. И одна из доминирующих ассоциаций, возникающих с первых страниц заметок, – холод. Но если тогда, в последнюю зиму, по многим свидетельствам одну из самых холодных в Англии за несколько лет, Плат не выдерживает, то здесь она еще полна энтузиазма и любопытства, она играет, наблюдает, знакомится. “Я довольно высокая, и отстраненная, и так удобно идти домой через заснеженные поля. Очень холодно <...>” [8, р. 203]. Холод первой поры в Англии иногда ассоциируется со здоровьем, румянцем, свежестью и бодростью зимнего дня: “<...> мгновение радости, когда снежинки запутываются в развевающихся волосах, чувство румяности и здоровья. Пожалела, что не вышла раньше, чтобы немного помедлить <...>” [8, р. 210]. Но со временем это желание “помедлить” (*linger*), задержаться, насладиться зимней прелестью исчезает, на смену приходят болезни, усталость, раздражение, безысходность.

По сути, амбивалентность восприятия прослеживается иногда в записях, датированных одним числом. Тогда же, в понедельник, 20 февраля 1956 года, восхищаясь английской сельской местностью, где Плат с удовольствием гуляла, и английской природой в целом, поэтесса пишет: “Спокойной ночи, принцесса. Ты по-прежнему сама по себе; будь стойкой; не паникуй; прорвись через весь этот ад к щедрой, сладкой, утопающей в цветах весне, дарящей любовь” [8, р. 211]. Английская погода напрочь убивает очарование английской природы, а физический холод в окружающей среде Плат часто переносит на людей вокруг,

превращая его в одну из доминирующих черт английского характера. Уже в первую зиму в Англии болезнь постоянно упоминается в дневниках. Так, в том же феврале 1956 года Плат пишет: “В любом случае, я устала <...> Паршивый гайморит, притупивший все мои чувства, заложенный нос, неспособность ощущать вкус и что-то видеть слезящимися глазами, или даже слышать, что хуже всего, почти”. И чуть ниже снова звучит рефреном: “Ужасный, красный нос, нет сил” [8, р. 213]. Физическое недомогание в случае Плат часто лишает сил душевных, лишает поэтессу воли, вгоняет в отчаяние. И виной всему английская погода.

В произведениях Сильвии Плат реальный, физический холод английской зимы также постепенно окрашивает внутренний мир англичан, вернее их внутренний мир, национальный характер в понимании Плат. Так, в рассказе “Mothers” писательница затрагивает тему англиканской церкви, проблему отношения церкви к разведенной женщине. Холод, осуждение, отторжение – доминирующие мотивы рассказа.

В рассказе возникает четкое противопоставление “свое” – “чужое”, где Англия ассоциируется именно с чужим. Эстер, американка, живет в Девоне и на каждом шагу ощущает давящий, чужеродный характер жизни и нравов местных жителей. В рассказе вновь звучат автобиографические мотивы, свойственные как прозе, так и поэзии Плат, часто характеризуемой как поэзия исповедальная. Неслучайна и география рассказа: именно в Девон перебирается семья Плат после рождения второго ребенка.

В разговоре с миссис Нолан, живущей в городке уже 6 лет, Эстер с отчаянием понимает, что даже эта англичанка чувствует себя чужой в окружающем замкнутом мире, где все друг друга знают и люди заходят в дом без стука. “Если миссис Нолан, англичанка по внешности и произношению, да к тому же жена владельца паба, чувствовала себя чужой в Девоне после прожитых здесь шести лет, какая надежда могла быть у Эстер, американки, когда-нибудь просочиться в это устоявшееся сообщество?” (перевод мой – Е.Б.) – проносится в голове Эстер, и сердце ее сжимается от тоски [8, р. 108]. Эти строки – крик души Плат, подавленной затянувшейся эмиграцией, некогда столь заманчивой, но с годами превратившейся в тяжкие оковы отчуждения и непонимания.

В этой связи привлекает внимание эпитет “*rooted*”, характеризующий сообщество обитателей Девона. Это жизнь, имеющая традиции, корни, уходящие глубоко в землю. Но именно эта “укорененность” воспринимается

американским сознанием как стагнация, отсутствие движения, развития, удушающая стабильность существования. Картина становится еще более мрачной и безысходной при появлении других женщин, идущих в церковь на собрание Материнского комитета (Mothers' Union), женщин, которые, все без исключения, выглядели “gnarled and old” (грубыми и старыми) [8, p. 108], гармонично растворяясь в общей атмосфере заскорузлости и старости.

Все попытки влиться в окружающее сообщество Эстер ощущает как притворные с оттенком лицемерия (hypocritical) [8, p. 109]. Письма и дневниковые записи поэтессы свидетельствуют о том, что именно так чувствовала себя Сильвия Плат в английский период жизни. Если культура страны являлась, порой, источником новых идей и вдохновения, то бытовая сторона, напротив, производила на поэтессу впечатление депрессивной безысходности. К бытовым неурядицам и проблемам в личной жизни добавился и пресловутый английский климат, непривычная пища, отсутствие друзей. Плат все яснее и яснее осознает огромную разницу между английской и американской культурами, которая постепенно превратилась для нее в бездну, все попытки преодолеть которую оказались тщетными.

Сборник открывается рассказом “Johnny Panic and the Bible of Dreams”, давшим название всей книге. Героиня рассказа работает в психиатрической клинике. Однако для нее это не просто работа. Она записывает сны, рассказываемые пациентами, а по ночам читает старые архивные записи. В конце рассказа героиня сама становится пациентом и подвергается лечению электрошоком. Умышленно или нет, но Сильвия Плат связывает с Англией судьбу одного из самых отталкивающих персонажей рассказа, мисс Миллревидж (Miss Milleravage). Мисс Миллревидж возглавляет специальное отделение (Observation Ward), где главная героиня никогда не была за все время работы в клинике и куда она попадает в финале рассказа.

О мисс Миллревидж читатель узнает чрезвычайно мало: “Эта мисс Миллревидж – женщина крупная, не полная, но вся сплошь крепкие мускулы, к тому же очень высокая. Ее крепкое тело одето в серый костюм, напоминающей мне униформу <...>” (перевод наш – Е.Б.) [8, p. 23]. Вся ее фигура олицетворяет силу, доминирование, насилие. Серая “униформа” неизбежно отсылает читателя к военным ассоциациям (как известно, война всегда оставалась чрезвычайно болезненной и личной

темой для Сильвии Плат). Вся информация практически сводится к субъективным переживаниям и ощущениям рассказчика, кроме одного факта – мисс Миллревидж проработала лучшие годы в лондонских клиниках. Через эту деталь возникает сопоставление Лондона, “английского” с жестокостью и бесчеловечностью. Именно в руки мисс Миллревидж попадает героиня для прохождения лечения электрошоком: “С ужасной мягкостью мисс Миллревидж снимает часы с моего запястья, кольца с моих пальцев, вникает из волос шпильки. Она начинает меня раздевать. Когда я остаюсь совсем голой, мне смазывают виски и заворачивают меня в простыни, девственные, как первый снег” (перевод мой – Е.Б.) [8, р. 32]. Даже мягкость, с которой мисс Миллревидж обращается с пациенткой, приводит в ужас, для описания автор выбирает эпитет “ужасный” (terrible). В рассказе содержится намек, что мисс Миллревидж научилась подобным “передовым” приемам психиатрии именно в Лондоне, так как именно на работу в Англию пришелся пик ее карьеры, там, вероятно, произошло ее профессиональное формирование. Этот персонаж, несомненно, добавляет очередной оттенок к палитре “английское”, в которой продолжают доминировать темные и мрачные цвета. Сильвия Плат сама проходила лечение в психиатрической больнице и не понаслышке знала о царящей там атмосфере и методах исцеления пациентов.

В эссе “Америка! Америка!” англичане упоминаются как предтечи американского народа, затерявшиеся среди великого множества национальностей, проживавших в Америке в начале двадцатого века – в эпоху, о которой пишет в данной работе Сильвия Плат. Вспоминая родной прибрежный городок, где прошли первые годы ее жизни, Плат описывает его следующим образом: “<...> огромный шумный мешок с кошками, где были ирландские католики, немецкие евреи, шведы, негры, итальянцы и те редкие, чистые капли с “Мейфлауэр” – англичане” (перевод мой – Е.Б.) [8, р. 34]. Плат выделяет англичан из всей этнической пестроты, окружавшей ее в детстве. Англичане характеризуются как “редкие” (rare) и “чистые” (pure). Действительно, к началу двадцатого века потомки первых переселенцев представляли незначительный процент населения Америки, растворившись в толпе более поздних волн эмиграции. Что касается “чистоты”, тут очевидна отсылка к их пуританскому вероисповеданию и образу жизни. Как известно, пуританство – образ жизни, для которого характерны крайняя строгость и аскетизм. Таким

образом, вы вновь возвращается к ассоциациям концепта “английское”, рассмотренным на примере рассказа “Матери”. В мировосприятии Плат пуританизм часто граничит с неискренностью, лицемерием, жестокостью, так как сама пуританская идеология не допускает измены, с которой поэтесса столкнулась в Англии. Плат сама родилась и жила в Америке, однако, из-за своих немецких корней, она никогда не отождествляла себя с потомками первых пуритан и не чувствовала себя наследницей их мировоззрения и жизненного уклада. Те редкие англичане в Америке, о которых идет речь в эссе, принадлежат к сфере “чужого”.

Если русская литература стала своеобразным мостиком в Англию, так как именно за эссе по творчеству Достоевского Сильвия Плат получила стипендию на обучение в Кембридже, в эссе “Америка! Америка!” школьные учителя английского, в свою очередь, становятся проводниками, в частности, и по русской литературе: “Великолепные учителя посыпались на нас, как метеоритный дождь <...> английские учителя вдохновляли нас собственной идеологической яростью [ideological fierceness], когда речь шла о Толстом или Платоне” [8, р. 36].

Со свойственной Сильвии Плат структурированности, сложности восприятия окружающего мира, она сразу начинает постигать новую страну во всей ее полноте, реагируя на самые разные дискурсы, вместе составляющие “английское”. Разбирая концепт “английское” в творчестве Плат, необходимо рассматривать биографический, исторический, культурный, социальный, литературный, бытовой дискурсы. При этом в разные периоды жизни в Англии бытовой дискурс, безусловно, доминирует над остальными, модулируя восприятие культуры страны и бытовой стороны жизни в Лондоне, а затем в английской деревне. Очевидно, с самого начала “английское” представляется Сильвии Плат как некое “чужое”, и она прикладывает немалые усилия, чтобы это “чужое” сделать своим, что, вероятно, так до конца и не произошло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михальская Н.П. Имагология и современная англистика // Английская литература в контексте мирового литературного процесса. – Киров, 1996. – С. 147
2. Плат, Сильвия. Собрание стихотворений в редакции Теда Хьюза. Москва: Наука, 2008. – 436 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001. – 990 с.

4. Axelrod, Steven Gould. *Sylvia Plath: The Wound and the Cure of Words*. Johns Hopkins University. 1992. – 257 p.
5. Bleicher Thomas. *Elemente einer komparatistischen Imagologie // Komparatistische Hefte. Heft 2 (1980): Literarische Imagologie – Formen und Funktionen nationaler Stereotype in der Literatur*. – Bayreuth, 1980. – S. 12–23.
6. Brain, Tracy. *The Other Sylvia Plath*. Harlow: Longman, 2001. – 238 p.
7. Plath, Sylvia. *Collected Poems*. Ed. Ted Hughes. New York: Harper and Row, Publishers, 1981. – 351 p.
8. Plath, Sylvia. *Johnny Panic and the Bible of Dreams*. London: Faber and Faber, 1977. – 352 p.
9. Plath, Sylvia. *Letters Home: Correspondence 1950-1963*. Ed. Aurelia Plath. London: Faber and Faber, 1976. – 502 p.
10. *The Cambridge Introduction to Sylvia Plath*. Jill, Jo (ed.). Cambridge University Press, 2008. – 152 p.

ТІЛО ЯК ВИХІДНИЙ КОД І СЮЖЕТОТВОРЧИЙ ЕЛЕМЕНТ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ПРОЗІ

Тетяна БЕЛІМОВА

Відкритий міжнародний університет розвитку людини “Україна”

У статті розглянуто особливості вписування тіла і пов’язаних з ним категорій і уявлень у сучасних українських прозових текстах. Аналізуються романи Люко Дашвар, В.Гранецької, А.Процайло. У кожному з цих творів тіло виступило відправним пунктом сюжету і вплинуло на формування основних художніх категорій.

Ключові слова: дискурс, хронотоп, жанр, сюжет, знак, код, художня категорія.

В статье рассмотрены особенности вписывания тела и связанных с ним категорий и понятий в современных украинских прозаических текстах. Анализируются романы Люко Дашвар, В.Гранецкой, А.Процайла. В каждом из этих произведений тело выступило отправным пунктом сюжета и повлияло на формирование основных художественных категорий.

Ключевые слова: дискурс, хронотоп, жанр, сюжет, знак, код, художественная категория. Текст анотації англійською мовою

The article is dealing with the specific features in the description description of the human body, as well as categories and assumptions related to them in modern